

МОЙ ГАСПАРОВ

Автор: В. П. ГРИГОРЬЕВ

Меньше, чем через месяц после кончины Михаила Леоновича, в Доме-музее Марины Цветаевой мы собрались на вечер его памяти. Точно выбранное место: видишь сразу и "цветаевское" у Гаспарова, и, конечно же, собственно цветаевского "Моего Пушкина".

Перед филологами сегодня стоит задача - не откладывая, собрать воедино десятки, может быть, сотни посильных контуров *in verbis et in foro conscientiae* (словами и перед судом совести. - лат.). *Наброски могут перерасти в сборник личных редакций "Наших Гаспаровых"*.

Сам собой из мозаики еще не сложится целостный образ Михаила Леоновича. Но отдельные его черты и черточки будут зафиксированы. Несомненно, обнаружатся факты, имеющие большую и общую ценность, однако известные не всем носителям памяти о Михаиле Леоновиче, часто разрозненным сегодня в пространстве и необъятном "хронотопе Гаспарова".

"Десять лет разницы - это пустяки!", - сказал Э. Багрицкий и был прав и неправ. Круг гаспаровских собеседников почти необозрим, а ровесникам легче общаться. Но дорогой подарок - книжку 1996 г. о гражданской лирике О. Мандельштама - Михаил Леонович с полным правом, точно и чутко надписал мне как передачу: "...от старого смежника". И я вижу в этом указание на внутреннюю близость части наших поисков. Кто-нибудь из сверстников Михаила Леоновича, не исключено, скажет о своих с ним отношениях как о отношениях (см. статью Ю. Тынянова о В. Хлебникове) "вплотную и вровень". Мне важно уже то, что в детстве у нас с Михаилом Леоновичем были общие радости - "Веселые проекты" Н. Радлова и М. Зоценко и "Викторина" - игра разновозрастных читателей "Огонька" 1928 г.

Не знаю, как это выглядело со стороны, но, по классическому счету и скорее всего, мы в строгом смысле не были близкими друзьями. Наверное, С. Аверинцев оказался таким другом для Михаила Леоновича. Те отношения, которые все эти годы связывали нас, я бы назвал очень близкими к устойчиво дружеским. Ощущался род "взаимной тяги". Далее я скажу о своем особом чувстве неоплатного долга перед Гаспаровым как человеком и ученым, хотя мы все в долгу перед его наследием.

Этосу его равнодушно-мировидения, поэтики и эстетики был, кажется, органически и исторически чужд любой пафосный перебор. Поэтому хотелось бы, принеся извинения (с памятью о гаспаровском обычае), прибегнуть и к полупросторечной аналогии.

Наверное, каждый, кто общался с Михаилом Леоновичем, ощутил высокий и тонкий вкус беспримерной "гаспаровки": однажды, даже почти случайно отведав ее, человек замечательно и навсегда "пьянел" - так сказать, помнил о ней со вкусом в кончиках нейронов ума и сердца. Но мера познания этого напитка не у всех одинакова: кто-то лишь пригубил бокал, а кому-то выпало особое счастье многолетних метафорических "застольий" - прямого ли, косвенного ли сотрудничества. Так или иначе сохраняется неповто-

Г р и г о р ь е в Виктор Петрович - доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

римый букет его "коллекционного вина для всех". Слова **для всех** необходимо подчеркнуть.

Когда-то в статье "Ю. М. Лотман: наука и идеология" Гаспаров писал о важнейшем значении таких ученых и для подъема "среднего уровня культуры" в стране и мире. По наитию и неведомой потребности я перечитал эту статью на следующий же день после кончины Михаила Леоновича. Знаковый характер класса лотмановского, думаю, имеет и вся его деятельность. Мало кто станет это оспаривать. В апреле 2005 г. Вяч. Вс. Иванов точно написал о Гаспарове: "Мост в будущее". Говорит само за себя и всеобщее признание гаспаровской "Занимательной Греции".

Парадигма филологии сегодня напряжена. В коллизии "чистая" лингвистика versus А-лингвистическое литературоведение Михаил Леонович - один из немногих настоящих филологов "без прутковских флюсов". Едва ли не в последней нашей краткой беседе он, отвечая на мою просьбу назвать таких филологов (кроме всем хорошо известных), помолчал и чуть затрудняясь, отметил без оговорок лишь две-три фамилии. Не согласиться с такой ответственной строгостью было бы нелегко.

Слова согласиться и строгость сходятся в "строгости согласия" у Гаспарова. Она знакома многим, а меня приводит и к обстоятельствам нашего знакомства в октябре 1969 г. в Алма-Ате. Сборник тезисов тамошней конференции "Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы" (тогда - "К 100-летию Ленина") включал, среди других, тезисы докладов Е. Эткинда "Проблема восприятия лирического стихотворения", Гаспарова "Элементы строфики в русском нестрофическом ямбе XIX века" и готовые к бою, со ссылкой на стиховеда Михаила Леоновича, мои "О структурализме в литературоведении" (их я писал "в тоне Гарту", уже оценившего Гаспарова и в этой ипостаси).

Свести знакомство нам помог доклад Эткинда. В ходе его обсуждения я сказал об одной натяжке в этом впечатляюще красивом на слух анализе блоковской "Равенны". Если не ошибаюсь, остался тогда без поддержки. Но вот в коротком перерыве ко мне подходит уже ранее выделенный взглядом Гаспаров, впервые мы здороваемся, и он говорит, что промолчал-то потому, что был "совершенно согласен" со мной. Так Михаил Леонович сберегал наше общее время, довольствуясь на множестве околонуточных и вполне научных "посиделок" необходимым и достаточным. Да, прежде всего со своей точки зрения, но очевидно, в конце концов, что такова и общеоптимальная "экология речи".

У него было в высшей степени развито чувство и исторического, "стержневого", и быстротекущего бытового времени. "Античность" стала фундаментом его поражающей эрудиции, системных анализов, внимания к малоизвестным "частностям". Горы приметных фактов культуры XX в. взяты им из архивов; их знанием Гаспаров поражал не меньше, чем высоко ценимый им Р. Тименчик. В ЦГАЛИ меня привлекал и фонд 527 (легко догадаться, Хлебникова), и, по очень разным соображениям, ряд других. Рассказываю Михаилу Леоновичу о попутных выписках (они касались разных людей круга В. Брюсова, Вяч. Иванова, В. Шершеневича и т. д.). Как правило, выясняется, что они уже знакомы ему. Мало того - он тут же дополняет часть из них, по смежности и сущности, теми, что мое невнимание поспешило миновать.

Не так уж регулярно мы встречались на конференциях, время от времени перезванивались, переписывались, не забывали обменяться чем-то отмеченными оттисками. Так важно теперь сохранить и все инскрипты Михаила Леоновича, этих своего рода "белых карликов", а их отличает удивительное мастерство. Рискну процитировать концовку одного - на книге 1974 г. "Современный русский стих" (да будет же стыдно заподозрить здесь "самопиар"): "...с внимательным восхищением / сочинитель". Эти уникальные, для меня, слова Михаила Леоновича незабываемы как щедрый аванс скромному собеседнику, знак чисто человеческой приязни и феноменальный рабочий стимул для всего дальнейшего.

Думаю, все "восхищенные и восхищённые" Гаспаровым ценят каждый из его инскриптов. У избираемых им слов остается особая долговременная память. Я предсудительно не помню, как надписал Михаилу Леоновичу книгу "Будетлянин", а он своим ин-

скриптом на "Записях и выписках", того же 2000 г. ("...от вышенарисованного"), 26 лет спустя после 1974 г., возродил во мне и память о той поре.

Еще одна дорогая черточка. 1970-е годы. Ждем на аэродроме в Москве самолета в Новосибирск. Томимся. Беседуем. Вот иссяк очередной сюжет. Михаил Леонович, выждав, не прерву ли я паузу, привычно вынимает записную книжку - продолжает читать? Вот мне приходит в голову новый поворот старой темы или новая темка. Обращаюсь к Михаилу Леоновичу - он привычно прячет книжечку, беседа продолжена "по потребности". И так не раз на протяжении двух, если не больше, часов. С поправкой на место такое бывало и позже, и у нас в отделе Института русского языка РАН, и в "Узком". Но "спрос на Михаила Леоновича" всемерно возрастал и норму-мечту "бесед по потребности" с годами теснили эмблемы "бесед по труду" и "по возможности".

А тогда, в Академгородке, меня, старого охотника за форелью, поразил и отказ Михаила Леоновича от стерляжьей ухи (потчевали гостеприимные хозяева). Это было одним из его вынужденных самоограничений. Как же героически он преодолевал различные напасти! Их, не только со зрением, речью и слухом, на долю Гаспарова выпало немало. Прикинем: чего недополучили мы и Хлебников, мы и природа, мы и кино, etc., etc. из-за неизбежных самоограничений у Михаила Леоновича, а чего и сколько - по неизбывному самодовольству властно-партийных элитариев?

В канун его докторской защиты опять стали сгущаться глупые идеологические тучи. Никто, не владея деталями обстановки, не мог быть уверен, что все решат неуязвимые диссертант и его книга. Как бы то ни было, Михаил Леонович, приглашая меня на защиту и готовый ко всему, вплоть до погрома, предельно мягко осведомился, не смогу ли и я принять участие в дискуссии. Ответ определялся вот чем: страшно жаль - меня, по уже неотменимым обязательствам, в день защиты не будет в Москве. И сумел же "утешить / -ся": представим, выступаю я, terrible, уже оравший в кабинетах ЦК и невыездной со стажем; это не подливание масла в огонь? Да будет ли сам огонь? Не посмеют...

Однако тревога не отступала. Кто лучше помнит детали защиты, настаиваю, должен записать их во всех частностях. Я уезжал в 8 часов вечера. В спехе сборов нарастали и видения расправы над Гаспаровым в Институте мировой литературы (ИМЛИ) АН СССР. "На всякий случай" написал прочувствованную "апологию" Гаспарову, даже успел передать ему этот листок с просьбой, "если уж что", чтобы мой текст кто-либо непременно зачитал до голосования. Все, впрочем, обошлось. Надеюсь, "страстный листок" еще найдется.

Несравнимо большая значимость у иного текста. Перед моей защитой тоже были пакости, но общая обстановка в 1978 г. стала несколько другой. В качестве неофициального оппонента взял слово и Гаспаров. То, что и как он сказал, украсило бы любую антологию речей античных ораторов. И нет средств, чтобы описать сплав смущения и восхищения у застигнутого им врасплох диссертанта. А коллеги - неискушенные сотрудники ИРЯз АН СССР - еще целую неделю пытали меня вопросами "Кто, кто это был? кто выступил с тем отзывом на защите?". (Нет чтобы спросить хоть что-либо и об экспрессе...)

Рецензия Гаспарова на мою книжку о Хлебникове 1983 г. сработала и тогда, когда те же темные тучи АН СССР заматались над следующей книгой о Вехе (решила все моя телеграмма в аппарат М. Горбачева). А Михаил Леонович неважно чувствовал себя в ИМЛИ. Его переход в ИРЯз, в наш отдел, задержали препятствия. Но десять лет он проработал в нем, в общем свободный от административных тягот. Я заботился об этом, пока мог; лишь после пятой реанимации запросил прощенья. И вот Михаил Леонович, с явной неохотой, но опять отдается мукам заведования. Эту жертву он принес заботе о ряде коллективных трудов и только еще начинаемых исследованиях. Для ясности подчеркну: новой своей **идеей четвертого измерения языка я обязан и Хлебникову, и Гаспарову.**

Его "роман" был скорее с художественной речью, чем с языком "как таковым" (как словарь, ставлю здесь знак Аллюз. к соли яркого motto В. Новикова). Реконструкция идеологии такого настоящего филолога и гражданина, как Гаспаров, или "системы его

политических взглядов" потребует времени, строгих знаний, уточнений. Однако безусловной остается аналогия с нансеновским "принципом помощи делом". Тем, кто шел к нему, Гаспаров помогал буквально на каждом встречном шаге всем богатством своего тезауруса. Такого много- и разнофункционального, такого по-чеховски интеллигентного...

В. Маяковскому перед смертью хотелось "доругаться". Самый резкий эпитет из тех, что вспоминаются у Михаила Леоновича, "драчливого" не на словах, а только и только на глубине, - это ирония остроумной оценки: наиболее громкий теоретик. Он применил ее во "Введении" книги "Метр и смысл" к одному поклоннику концепции Л. Тимофеева. Последовал и неустаревающий контраст: по выражению Гаспарова, еще академик Л. Щерба работал "с вышедшей из моды честностью".

Замечательна и поучительна честность, с какой сам Михаил Леонович работал над текстами Мандельштама и комментариями к ним. Культура комментария и общий уровень текстологии обязаны Гаспарову ничуть не меньше, чем искусство перевода, стиховедение или совсем новая "Лингвистика стиха". И великоведы не могут теперь не сопоставлять классические "уровни Харджиева и Гаспарова". За изучение стиха Хлебникова отдельный низкий поклон Михаилу Леоновичу. Его тщание в недавних обстоятельно развернутых им "предварительных наблюдениях" над стихом поэмы "Ладомир" - пример для филолога. (Где-то есть же хоть наметки и доклада о стихе "Маркизы Дээс"?)

Споры вокруг широкого круга проблем филологии должны быть продолжены в особенной тональности, в том по-гаспаровски ясном, бережном и "нежном" ключе, на чье звучание надо откликаться и откликаться. Многие грешны понятной, но жесткой "эксплуатацией Гаспарова"; многие так дорожили его временем, что откладывали до поры беседы, которые не сбылись. И все мы по-своему правы? У кого нет перечня своих виртуальных вопросов к Михаилу Леоновичу - "вопросов на будущее"? По Мандельштаму: "Недосказано там, недоспрошено, / Не докинута там в сеть сетей..." Заклучая, назову несколько разных проблем, неразрывно связанных с "моим Гаспаровым".

Действительно ли позиция рифмы - слабая для многосмысленной паронимической аттракции? На этот частный, но существенный счет мы когда-то недоспорили и с Гаспаровым, и с Д. Самойловым...

"Входит ли содержание в стиль?" - вопрос заоблачной теории. Я не решился послать Михаилу Леоновичу в больницу свой свежескомпромиссный ответ: у них особые связи "взаимного вхождения"...

Не довелось вникнуть в распечатку одного из последних докладов Гаспарова "История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина". Доклада как будто, "в принципе", не бесспорного. Но уже дающего лишний повод вернуться к последствиям "культы М. Бахтина", а также к проблеме **не культуры, а культуры и уроков Гаспарова...**

Хлебников и Мандельштам. Обсуждать диалог из "Восьмистиший" или близнеца и отца из "Оды", надеюсь, буду в другом доме. Замечу лишь, что глубокий будетлянский промер не менее важен для "Солдата" и "Восьмистиший", чем для деятельности Гаспарова как великого мандельштамоведа. Развивая во всем свое пушкинское "чувство соразмерности и сообразности", он присматривался и к цветаевской "безмерности в мире мер", и к опытам синтеза "мер мира". Примерить бы к этим последним еще не отшлифованную временем такую приблизительную формулу: "гармония "созвучий и раззвучий" в этом многомерном мире языков науки и искусства"?..

Чуть прищипывая воображение, намечу совсем уж личный образ (возможно, слишком смелый и для дистанции, отдаляющей меня от тайн стиховедения). Научная проза Михаила Леоновича - это **метафора-символ** некоего "звездного синтеза" - синтеза аналогов особо строгих "метрико-строфических форм" и поля интонаций "сверхсвободного стиха". Новый ли это верлибр, преобразованные ли версэ или особый род гетероморфии, уж не полнейшая ли это фантазия, конечно же, лучше, чем я, рассудят Ю. Орлицкий с коллегами...

Много еще чего было "недоспрошено"... Минуй разные "очереди к Гаспарову", спросить бы его не в спешке, наедине, уважительно и с любовью: "Михаил Леонович, разве

даже во всеоружии фактов и аргументов "оценка - не дело науки...?". Вот говорят и будут в высокий унисон говорить наши души, сердца и думы, а с ними какая-никакая, но научная же хоть по замаху память. Вот и "Разум мировой" тоже силится вдуматься в Ваши труды с их неотъемлемой и эстетически верной компонентой. Мы оценим мудрость Ваших собственных неброских глубинных оценок, стараясь именно так, как Вы, сочетать завидный стоицизм и настоящую Критику с трезвостью взгляда Самокритика на собственные тексты. Спросить бы...

Напрашивается вывод: надо настойчиво и счастливо спрашивать о важном у Михаила Леоновича как редчайшего провиденциального собеседника, а при малейшей возможности - также друг у друга. Обдумывая изменения в иерархии главных вопросов и вдумываясь в бесконечность ответов.

Что в итоге? Что теперь делать? Не до игр со словом - серьезен итог, он же совет себе: **"Чистить себя под Гаспаровым, чтобы плыть в филологию дальше"**. Снова и снова прошу прощения, но вижу, как всегда, не больно-то "всехнюю" или всепрощающую, а вот все-все понимающую, еле просматриваемую на фотографиях, но какую-то неотменимо светлую улыбку Михаила Леоновича. И у того, что "вышенарисован", и в жизни, в жизни...

* * *

Было совсем нелегко придать этому тексту сколько-нибудь "стройный вид". Уже окрепла вера в то, что Михаил Леонович не откажет ему в "своей визе" - невидимых инициалах "М. Г." - и в один момент почти все пошло насмарку... Должен дать признательное показание после явки с повинной подсознательной части совести, утаившей от светлого поля моего сознания немаловажный факт. Можно думать, что токи саморазоблачения возникли вокруг слова честность. Вдруг вспомнился разговор с Михаилом Леоновичем об эвристике и наших первых опытах с понятием "эвристика". Он предложил тогда обсудить возможность фиксации всего пути к достигаемой участниками работы видимости согласия - в последовательных протоколах, понимая, до чего сложно их было бы вести в конкретных рамках отдела. Мы и сейчас едва ли сможем использовать эту мысль в реальности, но не прощу себе, что мои-то "предсмыслы" так запоздали.